

Н. И. НОВИКОВ И РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ XVIII ВЕКА

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-19-24

© Н. Д. КОЧЕТКОВА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ Н. И. НОВИКОВА

Как показал еще П. Н. Берков, в литературной полемике 1750-х годов ожесточенные споры шли не только между Тредиаковским, Ломоносовым и Сумароковым, но и вокруг их имен, между сторонниками и противниками главных участников.¹ Но уже в 1760 году Херасков стремится воздать должное заслугам как Ломоносова, так и Сумарокова:

Великие творцы, отечеству хвала,
И праведную честь им слава воздала.²

В журнале «Всякая всячина» (1769), издававшемся под негласным руководством Екатерины II, было опубликовано под псевдонимом Ибрагим Курмаматов письмо, в котором Ломоносов и Сумароков были названы «первыми российского Парнаса светильниками».³

Тем не менее в литературных кругах споры продолжались. Если авторитет уже ушедшего из жизни Ломоносова не подвергался сомнению, то нападки на Сумарокова продолжали возникать. Новиков в своих сатирических журналах 1769–1773 годов решительно встал на его защиту. Имея в виду В. И. Лукина, литературного противника Сумарокова, Новиков писал в «Трутне» с нескрываемой иронией: «Мне и славные русские трагедии кажутся ничего не значащими <...> тысячи в них нахожу погрешностей».⁴ Далее в том же журнале была опубликована «Сказка в стихах» А. О. Аблесимова, где высмеивался некий «ученый», который восхвалял «лирика», т. е. Ломоносова, и «хулил драматиста», т. е. Сумарокова:

Хулы ему нанес пуд с триста
И в грош его стихов поставить не хотел...

(с. 89)

В сатирических журналах Новикова Сумароков неизменно предстает как образцовый автор. Издатель «Трутня» пишет: «Один славный российский стихотворец сказал о себе, что он, писав стихи десять лет, после всех их пожег, чрез это и сделался он образцом во многих родах стихотворства, а в некоторых и неподражаемым» (с. 60). Здесь имелись в виду слова Сумарокова, обращенные к начинающим авторам: «Сделайте то с первыми сочинениями своими,

¹ Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750–1765. М.; Л., 1936.

² Херасков М. М. Письмо // Полезное увеселение. 1760. Декабрь. № 21. С. 195.

³ Всякая всячина. 1769. С. 75. П. Н. Берков предполагал, что это письмо принадлежало В. И. Лукину. Во всяком случае, существенно, что оно появилось на страницах «Всякой всячины».

⁴ Сатирические журналы Н. И. Новикова / Ред., вступ. статья и комм. П. Н. Беркова. М.; Л., 1951. С. 52. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера страницы.

что сделал я с своими, девять лет писав: бросьте все оные в печь».⁵ Приводя в пример комедию Сумарокова «Лихоимец», Новиков формулирует один из своих важных принципов: «Всякая критика, писанная на лицо, по прошествии многих лет обращается в критику на общий порок» (с. 137). Отказывая бездарным авторам в публикации их «соплетенного вздора», Новиков советует им прочитать «Эпистолы г. Сумарокова» и здесь же цитирует отрывки из этих стихотворений (с. 215–216).

В журнале «Пустомеля» сообщается о постановке трагедии Сумарокова «Синав и Трувор» «по переправленному вновь г. автором подлиннику» и далее следует восторженная оценка его творчества: «Нет нужды восхвалять сего почтенного автора сочинений, они так хороши, что кто только их читал и кто имеет разум, те все, ему отдавая справедливую похвалу, удивляются; которые же не похвалят, тем надобно просить о отпущении своего согрешения» (с. 278).

В то же время, имя Ломоносова встречается на страницах журналов Новикова гораздо реже. Завершая первый год издания «Трутня», в декабре 1769 года он писал: «Мое самолюбие не так велико, чтобы сими безделками льстился заслужить бессмертную славу. Нет, я уверен, что сие оставлено к чести нашего века прославившимся в России писателям, г. Сумарокову и *по нем* г. Ломоносову, их сочинениям потомки наши удивляться будут» (курсив мой. — Н. К.). Далее следует очередной панегирик Сумарокову: «Притчи г. Сумарокова, как ныне беспримерны, так и у потомков наших останутся неподражаемыми...» (с. 177). Столь явно выраженное здесь предпочтение Сумарокова Ломоносову могло вызвать удивление и даже возмущение. М. Д. Чулков, издатель журнала «И то, и сё», сам задетый сатирой Новикова, не пропустил без внимания это высказывание. В одном из своих следующих изданий, «Парнасский щепетильник» (1770), он заметил: «Я не берусь выхвалять больше г-на Сумарокова, нежели покойного Ломоносова, зная, что они великой похвалы достойны оба».⁶

Как бы соглашаясь с этим, Новиков поместил в «Трутне» (лист 10) в марте 1770 года сделанный И. К. Голеневским перевод с латинского языка «Эпитафии Ломоносова», находившейся на надгробии поэта в Александро-Невской лавре. Но, как заметил П. Н. Берков, при публикации были пропущены «по непонятным причинам» две строки: «...стихосложения российского установитель, / трагедий на родном языке сочинитель» (с. 218–119; 551). По-видимому, этот пропуск не был случайностью: Новиков, вероятно, не хотел, чтобы заслуги других поэтов приписывались Ломоносову, который в этом не нуждался. Признанным автором трагедий считался Сумароков.

С именем Ломоносова прочно стало связано представление о нем как о непревзойденном мастере одической поэзии. Но жанр оды, как справедливо отмечает Н. Ю. Алексеева, сочетает в себе «две сущности — одическую и панегирическую».⁷ В 1760-е годы с одами выступает В. П. Петров, получает всяческую поддержку со стороны Екатерины II и провозглашается «вторым Ломоносовым». Несмотря на известные достоинства его поэзии, современники остро реагируют на это, видя в одах Петрова слишком откровенное «ласкательство»: автор сам называет себя «карманным стихотворцем» императрицы.

⁵ Трудолобивая пчела. 1759. Декабрь. С. 764.

⁶ Парнасский щепетильник. 1770. С. 5. О полемике Новикова и Чулкова см.: Степанов В. П. Новиков и Чулков (Литературные взаимоотношения) // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11. Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. С. 49–76.

⁷ Алексеева Н. Ю. Русская ода: развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005. С. 10.

Новиков, решительный противник «ласкательства», оказывается среди главных критиков Петрова прежде всего именно потому, что видит в его творчестве откровенный сервиллизм. Но, кроме того, самый жанр похвальной оды, особенно оды, проникнутой пафосом, ориентированной на поэзию Ломоносова, остается Новикову достаточно чуждым. Характерно, что в «Трутне» (лист 12) он с одобрением упоминает пародийный «Дифирамв Пегасу» Сумарокова, направленный не только против Петрова, но отчасти и против Ломоносова, и против самого жанра, неизбежно сопряженного с похвалой сильным мира сего.⁸

Может возникнуть вопрос и по поводу другой пропущенной в «Трутне» строки из «Эпитафии Ломоносову»: «...стихосложения российского установитель». Не исключено, что это связано с целенаправленным стремлением Новикова отдать должное заслугам Тредиаковского. Несколько позднее в «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772) Новиков всячески подчеркивал его первенство в создании новой системы стихосложения: «...первый в России сочинил правила нового российского стихосложения...»; «...не обинуясь, к его чести сказать можно, что он первый открыл в России путь к словесным наукам; а паче к стихотворству...».⁹

Борьба за признание заслуг Тредиаковского составляет важную часть полемики Новикова с журналом императрицы «Всякая всячина». Почти с самого начала этого издания Тредиаковский становится мишенью постоянных насмешек. Уже в одном из первых выпусков появился шуточный рецепт от бессонницы, адресованный некоей Агафье Хрипухиной: «...прочтешь рядом шесть страниц нашего сочинения, а потом шесть страниц Тилемахиды».¹⁰ Скорее всего, эти слова принадлежали самой Екатерине II. Вскоре в одном из следующих выпусков анонимным автором за подписью «Любительница Вашея Всякия всячины» была внесена многозначительная поправка о различии между «Тилемахидой» и «Всякой всячиной»: во «Всякой всячине» «виден острый разум, хорошие мысли и приятный слог, вы несправедливо сравнивали ее с прескучною и непонятною „Тилемахидою“, в которой г. Фенелон так же обезображен, как и г. Колле в переведенной его комедии „Depuis et Deronnais“».¹¹ Это письмо как раз едва ли могло принадлежать самой Екатерине: кто-то из ее окружения, очевидно, хотел в угоду ей подчеркнуть достоинство «Всякой всячины» и одновременно поддержать насмешку над «Тилемахидой». Перевод Тредиаковского уподоблялся переводу В. И. Лукина, который подвергался неоднократным нападкам также и в «Трутне» Новикова. Важно учесть, что в некоторых случаях объектом его сатиры становились те же лица и те же явления русской жизни, против которых выступала и «Всякая всячина». Однако постепенно обозначились и существенные различия между ними.¹²

⁸ См.: Берков П. Н. Примечания // Сумароков А. П. Избр. произведения / Вступ. статья, подг. текста и прим. П. Н. Беркова. М.; Л., 1957. С. 561. (Библиотека поэта. Большая сер.).

⁹ Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях // Ефремов П. А. Материалы для истории русской литературы. СПб., 1867. С. 107.

¹⁰ Всякая всячина. 1769. С. 15.

¹¹ Там же. С. 43. Правильно: «Depuis et Desronais» (1763), комедия Ш. Колле (1709–1783); в рус. пер. В. И. Лукина — «Тесть и зять» (1768).

¹² Современные исследователи справедливо отмечают, что в позициях этих журналов было и немало общего: прежде всего, стремление воспитать просвещенных граждан. См.: Johns G. Nikolay Novikov, enlightener of Russia. Cambridge, 1985. P. 12; Клейн И. «Немедленное искоренение всех пороков»: о моралистических журналах Екатерины II и Н. И. Новикова // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 153–156; Ивинский А. Д. Литературная политика Екатерины II: Журнал «Собеседник любителей российского слова». М., 2011. С. 15–21. Вместе с тем литературные приоритеты у императрицы и Новикова были разными, что проявилось прежде всего по отношению к «карманному стихотворцу» государыни В. П. Петрову.

В спор вступают разные новые корреспонденты, среди которых, по всей вероятности, был и Новиков. В этом нет ничего удивительного, поскольку во «Всякой всячине», особенно в первые месяцы ее издания, Екатерина II проявляла известную терпимость и предоставляла место для дискуссий, в которых участвовали самые разные корреспонденты.¹³ На письмо «Любительницы Всякия всячины» появился ответ, в котором в очень спокойном тоне говорилось: «В теперешнем положении наук у нас мы думаем, что гораздо нужнее поощрение сочинителям, переводчикам и молодым людям, кои посвящают себя наукам, нежели строгая критика <...> чем более будет переводов и сочинений, тем более будем иметь надежды получить со временем лучшие, а может быть, и совершеннейшие».¹⁴

Тем не менее «Всякая всячина» продолжала спор о Третьяковском. В следующем же выпуске другой «ревностный защитник» «Всякой всячины» вновь довольно грубо ополчился против творца «Тилемахиды»: «Он, конечно, долее моего писал и, с позволения, больше врал. Однако пускай ему худо: смело скажу, что нет ни одного русского сочинения, из коего бы больше его мест наизусть помнили. <...> Случается, что дурное помнят гораздо более...».¹⁵

Насмешки над Третьяковским продолжались и в следующих выпусках «Всякой всячины», приобретая все большую язвительность. В разговоре с неким Н*** (Новиковым?) автор очередного письма саркастически расхваливает «Тилемахиду», заключая свой показной панегирик словами: «Она, правду сказать, не очень ясно написана, но так и должно быть всегда написанной книге, нарочитую величину имеющей; ясный и простой слог должно оставлять для таких книжек, какова „Всякая всячина“, которая токмо для праздных людей хороша...».¹⁶ Вскоре после этого на страницах «Всякой всячины» появилось письмо с пометой «в 13 день февраля 1769 года. Новгород». Автор почтительно благодарил «Всякую всячину» за ее наставления и довольно миролюбиво отвечал на очередной выпад против Третьяковского: «...до выхода „Тилемахиды“ на свет не было у нас еще ни одной строфы без вирши; что ж она не полюбила госпоже любительнице „Всякия всячины“, то осмелюсь ей сказать, что у всех почти разные вкусы <...> Ежели же скучна „Тилемахида“, то можно сему еще помочь, читая книги, вышедшие из перевода древней и римской истории; а их, право, довольно будет для разогнания скуки!»¹⁷ Вполне вероятно, что это письмо принадлежало именно Новикову.

В своем собственном журнале «Трутень» (лист 20) Новиков очень смело ответил «Всякой всячине»: «Насмешник подсмеял одну женщину, велел ей для усыпления читать сочинения такого мужа, который за полезные переводы заслужил от всех похвалу и благодарность, и что от той насмешки весь город хохотал целую неделю на счет насмешника» (с. 120). Этот ответ, несомненно, очень задел Екатерину II. В письме некоего «К.», возможно Г. В. Козицкого, идет речь о пользе, приносимой «Всякой всячиной», и о ее «безрассудных хулителях». Здесь же представлена сценка: разговор между провинциальным дворянином Клитандром и его родственниками о трудах Третьяковского. Клитандр спрашивает: «Вы, я чаю, читали „Аргениду“ или „Тилемахиду“, братец? <...> какие то книги прелестные, подобных им еще

¹³ См.: Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. С. 226–228.

¹⁴ Всякая всячина. 1769. С. 45–46.

¹⁵ Там же. С. 59–60.

¹⁶ Там же. С. 104.

¹⁷ Там же. С. 110. Вероятно, имеется в виду перевод Третьяковского «Древней...» и «Римской истории» Ш. Роллена.

на русском языке не выходило: какой слог, какая тонкость мыслей, как важно и красно писаны! — Да вы ж читали ль их? — спросила Арганта. — Тот, нет, невестушка, и затем пишу на нынешней почте в Петербург к сыну, чтоб он мне их переслал». ¹⁸

А. С. Орлов, глубоко исследовавший «Тилемахиду», убедительно показал, что самое содержание поэмы Ф. Фенелона, смело обличавшего абсолютизм, было неприемлемо для императрицы. Однако из дипломатических соображений, стремясь поддержать свою репутацию просвещенной государыни, она подвергла насмешкам не идеи произведения, не Фенелона, а форму, перевод Тредиаковского, его затрудненный слог. ¹⁹ Упорное заступничество за него Новикова, очевидно, настолько сильно раздражило Екатерину, что «Всякая всячина» продолжала свои выпады против Тредиаковского из выпуска в выпуск. В Эрмитаже «установлено было шуточное наказание: за легкую вину выпить стакан холодной воды и прочесть из „Тилемахиды“ страницу; а за важнейшую — выучить из оной шесть строк». ²⁰

Новиков в своих журналах уже не отвечал на эти публикации, но в 1772 году в «Опыте исторического словаря о российских писателях» он поместил пространную статью о Тредиаковском, где исключительно высоко оценил его литературные заслуги: «Сей муж был великого разума, многого учения, обширного знания и беспримерного трудолюбия <...> Полезными своими трудами приобрел себе бессмертную славу...». ²¹ Столь же высокая оценка Тредиаковского содержалась и в предисловии, предпосланном в 1775 году изданию «Деидамии» и содержащем те же хвалебные отзывы, что и в словаре Новикова. ²² Все это могло еще больше раздражить Екатерину, которая позднее продолжила насмешки над Тредиаковским уже в своих драматических сочинениях, вставляя в них пародийные цитаты из Тредиаковского. ²³

Если в журналах Новиков выступал как публицист, сатирик, то в «Опыте исторического словаря...» он существенно скорректировал свои характеристики писателей. Статья о Ломоносове в словаре велика по объему, сравнительно с большинством других статей. Воздавая дань уважения и благодарности «сему великому писателю», Новиков, в частности, отмечает: «Его похвальные оды, надписи, поэма „Петр Великий“ и похвальные слова принесли ему бессмертную славу». ²⁴ Новиков-историк по-новому теперь оценивает роль Ломоносова в развитии отечественной культуры. Характерно, однако, что среди отзывов о поэте он приводит строки Сумарокова из его «Эпистолы о стихотворстве»:

Иль с Ломоносовым глас громкий вознеси:
Он наших стран Малгерб, он Пиндару подобен...²⁵

Статья же о Сумарокове в «Словаре», как это ни странно, предельно лаконична, хотя в ней признается, что он своими сочинениями приобрел «великую

¹⁸ Там же. С. 371–372.

¹⁹ Орлов А. С. «Тилемахида» В. К. Тредиаковского // XVIII век. Сб. статей и материалов. М.; Л., 1935. <Сб. 1>. С. 24.

²⁰ Евгений (Болховитинов Е. А.). Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845. Т. 2. С. 221.

²¹ Ефремов П. А. Материалы для истории русской литературы. С. 106–107.

²² Об этом см.: Кочеткова Н. Д. Загадочное посвящение В. К. Тредиаковского А. П. Сумарокову // Русская литература. 2017. № 3. С. 165–169.

²³ См.: Степанов В. П. Тредиаковский и Екатерина II // Венок Тредиаковскому. Волгоград, 1976. С. 89–93 (Литературное краеведение; вып. XII).

²⁴ Ефремов П. А. Материалы для истории русской литературы. С. 66.

²⁵ Там же.

и бессмертную славу не только от россиян, но и от чужестранных академий и славнейших европейских писателей».²⁶

Выступая как историк литературы, Новиков стремился отойти от личных пристрастий. Кроме того, для него были важны не только литературные заслуги, но и личные качества того или иного автора. Важным свидетельством о постепенном возникновении у Новикова критического отношения к Сумарокову служит письмо М. Н. Муравьева к отцу от 30 октября 1777 года: «Не могу удержаться, чтоб не сообщить вам стишков, которые вчера читал я Михайле Матвеевичу (Хераскову. — *Н. К.*) на смерть Сумарокова. Он было адресовал меня к Николаю Ивановичу, чтоб их напечатать в Кадетском корпусе <...> Он было и взялся; да читаючи их, припали нам некоторые рассуждения, которые нас поостановили. В самом деле, дано у меня много вольности воображению. Так, Новиков хотел, чтоб я ослабил инде выражения свои. Всё утро ныне толковали мы: рифмача не скоро приведешь в толк. И я уж их бросил. Причины Новикова приносят честь его образу мыслей. Он друг точности. Но, может быть, ее требовать строго в стихотворстве и невозможно. Например, он не хотел бы сказывать, что Сумароков мудрец, которого мнения были развратны и жизнь полна соблазнов».²⁷ Текст этого стихотворения вместе с правкой, внесенной после разговора с Новиковым, был опубликован Л. А. АLEXИНОЙ. Исследовательница обращает внимание на исправления, «лишающие Сумарокова идеальных черт»: вместо «кончины мудреца» — «любимца музы смерть»; вместо «священный муж» — «сладостный певец».²⁸

Для Новикова, очевидно, осуждавшего какие-то «развратные мнения» Сумарокова, его поступки, он не заслуживал имени «мудреца», т. е. учителя жизни, однако Новиков продолжал высоко ценить его поэтический дар, его литературные заслуги. Поэтому он и предпринял труд по изданию «Полного собрания всех сочинений» Сумарокова в 1781 году (а затем и по переизданию его в 1787 году), сохранившего для нас это ценное наследие.

Во второй половине 1770-х годов Новиков становится историком, издателем «Древней российской вивлиофики», и его опыт по собиранию и публикации материалов, связанных с прошлым, помогает ему по-новому оценивать и настоящее, роль писателей, своих современников. П. Н. Берков отметил, что в журнале Новикова «Санкт-Петербургские ученые ведомости» (1777) Ломоносов назван «Отцом российского стихотворства». Среди «славнейших наших стихотворцев» упомянуты Ломоносов, Сумароков, Херасков и даже давний литературный противник Петров.²⁹ Новиков помещает в этом журнале рецензии на недавно вышедшие книги, обращая особое внимание на «чистоту слога» и советуя начинающим писателям «стараться вникать во свойства языка и познавать красоты оного», а также «читать наилучшие сочинения и переводы российские».³⁰ Издатель просит присылать ему «достопамятные известия касательно до жития российских писателей».³¹ В настоящем, современном он уже стремится увидеть общий ход развития отечественной культуры, ее связь с прошлым и значение для будущего.

²⁶ Там же. С. 102.

²⁷ *Муравьев М. Н.* Письма отцу и сестре 1777–1778 годов / Публ. Л. И. Кулаковой и В. А. Запавова // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 310.

²⁸ *Алехина Л. А.* Архивные материалы М. Н. Муравьева в фондах Отдела рукописей // Записки отдела рукописей гос. Библиотеки им. В. И. Ленина. 1990. Вып. 49. С. 23, 81–82.

²⁹ *Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII века. С. 392.

³⁰ Санкт-Петербургские ученые ведомости на 1777 год Н. И. Новикова / 2-е изд. А. Н. Неустроева. СПб., 1873. С. 87.

³¹ Там же. С. 80.